

ЛИНИЯ судьбы

Поэзия репрессированных нижегородцев

Седьмой сборник

Нижний Новгород
2012

УДК 82-94
ББК 84 (2Рос=Рус)6-4
Л-59

Л-59   **Линия судьбы.** Седьмой сборник. Поэзия репрессированных нижегородцев. Составители: Фаворская И.М., Юдина Н.О. – Нижний Новгород: Издательская группа «ПРО СВЕТ», 2012. – 100 с.

Редактор – *Н.О. Юдина*
Дизайн и верстка – *В.В. Шеина*
Корректор – *Л.А. Зелексон*
Техническая обработка текста – *А. Попов*

Седьмой сборник «Линия судьбы» содержит стихотворные произведения нижегородцев, ставших жертвами политических репрессий в начале и середине XX века. Сборник предназначен для молодого поколения нижегородцев.

© Государственно-правовой департамент Нижегородской области, 2012

Владимир Аркадьевич ДОЙНИКОВ

Родился 6 февраля 1929 года в Нижнем Новгороде в семье известных нижегородских педагогов, репрессированных в 1937 году. Отец, Аркадий Александрович, доцент кафедры педагогики Сормовского педагогического института, погиб после ареста, мать, директор школы, была сослана в Карагандинский лагерь жен «изменников Родины». Владимир с братом воспитывались в многодетной семье родственников. В 1947 году В.А. Дойников окончил Горьковский государственный университет, позднее защитил кандидатскую диссертацию. Долгие годы проработал инженером-испытателем СВЧ Летно-испытательного комплекса ОАО «Нижегородский авиастроительный завод «Сокол». Награжден орденом «Знак Почета» и медалями: «Ветеран труда», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», советско-китайской дружбы. Дважды лауреат премии имени Т.Ф. Сейфи. Под техническим руководством В.А. Дойникова разработан и апробирован в наземных и летных испытаниях ряд новых прогрессивных технологий, которые не имеют аналогов в мировой практике и защищены патентами ОАО «НАЗ «Сокол». Работал в Китае, Индии, Ираке. Имеет 17 изобретений, защищенных авторскими свидетельствами и патентами. Опубликовал 5 научных трудов. В 2006 году стал лауреатом Всероссийского конкурса «Инженер года» в номинации «Авиация и космонавтика».

ВСТАНУ УТРОМ РАНО Я...

Встану утром рано я – дальняя дорога.
Манит теплой свежестью луговой борок.
Накукуй, кукушечка, мне пожить немного.
Накукуй, кукушечка, лет еще пяток!

Я за это времечко поброжу по полюшку,
По зеленым некосям, заливным лугам,
По лесам березовым нагуляюсь вволюшку,
По брусничным тропочкам, по грибным местам.

Я за это времечко выброшу из памяти
Термины научные – глупые слова,
И стихи Есенина будут мне приятели,
С ранних лет от них всегда кружилась голова.

Буду жить под радугой и питаться ягодой,
И в стогах заброшенных буду ночевать.
Вместо горькой гадости ко всеобщей радости
Сладкий сок березовый буду потреблять.

Вместо пошлых роликов косматых алкоголиков
И певцов назойливых заморских опера
Буду слушать длинные песни глухариные,
Песни глухариные с ночи до утра.

А если вдруг представится мне в пути преставиться,
Под зеленой крышею обрету покой.
Не ищите попусту, а решите попросту –
Так ему хотелось! Жребий уж такой...

А сейчас передо мной дальняя дорога,
Манит теплой свежестью луговой барок...
Накукуй, кукушечка, мне пожить немного.
Накукуй, кукушечка, лет еще пяток!

ПОСВЯЩЕНИЕ НИЖНЕМУ НОВГОРОДУ

Мы мальчишками были и ранней порой
Убегали на Волгу, купались.
И у древней стены, собираясь тайком,
Клятву верности мы повторяли.

Город Горький, мой дом – это липы в цвету,
Это солнечных пляжей твоих красота.
Никогда не забыть этот древний уют,
Ни за что не забыть, не забыть никогда!

До тебя не дошла фронтовая гроза
Потому, что тебя защищали...
Не на Волге – на Эльбе смыкались глаза,
Побледневшие губы шептали:

Город Горький, мой дом – это липы в цвету,
Это солнечных пляжей твоих красота.
Никогда не забыть этот древний уют,
Ни за что не забыть, не забыть никогда!

Что Берлин, что Париж, что Пекин золотой
Никогда вы меня не прельщали...
Если вспомним, так вспомним лишь те кабаки –
Где за Волгу мы тост поднимали:

Город Горький, мой дом – это липы в цвету,
Это волжских откосов твоих красота.
Никогда не забыть этот древний уют,
Ни за что не забыть, не забыть никогда!

В Антарктиде и в Африке встретится вам
Наш земляк – работяга-фанатик.
И, наверное, даже чрез тысячи лет
Будет слышаться в мире галактик:

Город Горький, мой дом – это липы в цвету,
Это волжских откосов твоих красота.
Никогда не забыть этот древний уют,
Ни за что не забыть, не забыть никогда!

В КРАЮ, ГДЕ ЛЕСА ЗАПОВЕДНЫЕ...

В краю, где леса заповедные,
Где лоси свободу трубят,
Я встретил заросшие просеки
И вышки, что в небо глядят.

И вот из осинника частого
В другую страну я попал.
Здесь всё незнакомо и страшно так;
Здесь лагерь когда-то стоял.

Разрушены службы охранные,
Барак, покосившись, стоит.
О том, сколько судеб загублено,
Здесь каждый предмет говорит.

В овраге, повитом рябиною,
Что шаг ни шагнешь – бугорок,
Над каждой могилкою врытые
Не крест, не звезда – номерок.

Спасибо природе-красавице,
Поклон тебе, лес-старожил
За то, что рукою зелёною
То страшное место укрыл.

И только тропой нехоженой
Случайный охотник – наш брат
Увидит заросшие просеки
И вышки, что в небо глядят...

Мне пишут, зовут поохотиться
Весёлый народ – егеря.
А мне без нужды и без времени
Всё снятся в лесах лагеря.

Надолго останется в памяти
В рябинной крови бугорок,
А сверху дощечка, как памятник,
Не крест, не звезда – номерок.

Мне снятся леса заповедные,
Где лоси свободу трубят,
Визирок заросшие просеки
И вышки, что в небо глядят.

НА СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВАХ

На Соловецких островах... – здесь воздух чист,
Но не расскажешь на словах, как он горчит.
В прозрачном воздухе висит церковный звон,
А из-под древних валунов – извечный стон.

Стон наших дедов и отцов, погибших здесь.
Прошедших тысячи Голгоф, не потерявши честь.
Кто встретил здесь на островах свой смертный час,
Кто умирал «на комарах», прощая нас.

На Соловецких островах всем не до сна...
От буйной ягодной крови земля красна.
Как будто здесь под плеск волны и птичий гам
Умерших души проросли на радость нам.

На Соловецких островах – везде кресты.
И на холмах, и на камнях растут кресты.
И чаяк белые кресты в урочный час
Кидает кто-то с высоты, прощая нас.

На Соловецких островах – ах! Воздух чист,
Но не расскажешь на словах, как он горчит.
В прозрачном воздухе висит церковный звон,
А из-под древних валунов – извечный стон.

ИДУТ С НЕБА ДОЖДИ

Идут с неба дожди, грибные дожди,
Прелый лист будоражит, как в детстве.
Жизнь, постой, не спеши, не спеши, подожди,
Дай мне, лес, на тебя наглядеться!

На твои купола, на твои терема,
На твои изумрудные чащи,
На проспекты твои в муравьиных стогах
Прихожу я всё чаще и чаще...

Я к тебе прихожу, когда сердце щемит,
Когда слёзы глаза застилают,
Ты, как лекарь, своею волшебной рукой
Все невзгоды и беды снимаешь...

А когда я умру и душа отлетит,
Не хочу, чтоб ушла в поднебесье...
Я б хотел, чтоб как птица летала она
Над туманным твоим чернолесьем.
Чтоб, как птица, летала и пела она
Над туманным твоим чернолесьем.

Идут с неба дожди, грибные дожди,
Прелый лист будоражит, как в детстве.
Жизнь, постой, не спеши, не спеши, подожди,
Дай мне, лес, на тебя наглядеться!
На твои купола, на твои терема!..

Наталья Романовна ДОЛГАЧЕВА

Родилась 5 августа 1922 года в Нижнем Новгороде в семье потомственного химика-органика, заведующего кафедрой органической химии Нижегородского индустриального института Романа Егоровича Вагнера. Мать, Лидия Михайловна, до ареста отца преподавала в школе литературу и русский язык. После годового заточения и «следственных действий» отец погиб в тюрьме (реабилитирован в 1956 году). Наталья Романовна параллельно училась в общеобразовательной и музыкальной школах, в 1950 году окончила музыкальное училище, училась на литературном факультете педагогического института. Преподавала в музыкальных школах Балахны и Правдинска, где работал муж, с 1960 года работала в музыкальной школе № 1 города Горького. В школах была членом и председателем профбюро, помогала своим ученикам готовиться к смотрам, выступлениям и конкурсам. С 1990 года занимается проблемами репрессированных, в том числе – увековечением памяти жертв тоталитарного режима. С ее участием установлены Поминальный крест в сквере на ул. Малой Покровской, мемориальный камень на Бугровском кладбище, мемориальный камень на кладбище «Марьино роща». На стихи Н.Р. Долгачевой написаны песни, сама она написала музыку на «Реквием» В. Половинкина. Активный член Общества старых нижегородцев, ветеран Великой Отечественной войны, награждена медалями «Ветеран труда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», к 50-летию и к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., почетными грамотами и благодарностями, в том числе администрации, думы и управления соцзащиты населения Нижегородского района Нижнего Новгорода.

В СОРОК ПЕРВОМ, ДВА ГОРЯ

Холодна поруганная осень,
И остыло сердце у меня.
Слышу только смех беззубых дёсен
И «ошибку» чью-то вижу я.

Что-то комом к сердцу подступило
И в груди устало нить.
Многое, что в жизни я любила,
Мне пришлось могилам уступить.

Где ты, где ты, бедный мой товарищ,
Ты в каком аду сражён в бою,
На каком из огненных пожаращ
Положил ты голову свою?

Холод, холод... Нет, не разогреешь.
Если б слышал похоронный звон,
Если бы увидеть, что жалеешь,
Был бы ближе материнский стон.

Но теперь смешались горе с горем.
Только поразишься – там и тут
Этих слёз невыплаканных море.
И ещё чего-то хуже ждут...

Мне не надо твоего портрета.
Ты мне в памяти портрет живой.
У тебя была душа поэта,
И достаточно души такой...

Холодна израненная осень.
И печаль большая холодна.
Только слышу смех «беззубых» дёсен
И «ошибку» чью-то вижу я.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Цветы живые Вечного огня,
Вы самые печальные на свете...
Глазами незабудок на меня
Глядите вы, глядите вы, как дети.

Гори, гори, немеркнущий огонь,
Гори святое, трепетное пламя.
Ты только сердца памяти не тронь.
Ведь тот, кто был, тот остаётся с нами.

У Вечного огня смолкает речь.
Чуть слышно скорбной музыки звучанье.
О, если бы в один костёр зажечь
Все вечные огни Напоминания!

Склоняются так низко, грустно так
Плакучих ив серебряные косы,
И – памятником встал могучий танк,
Навек остановившись над откосом...

Цветы живые Вечного огня
И самые печальные на свете!
Глядите вы, глядите на меня
Глазами незабудок, словно дети.

ЩЕРБИНКИ, 214

В нижегородские Щербинки
Великий выслан человек...
Нижегородские Щербинки
Тем и прославились навек.

И этот дом, другим подобный,
Высокий дом многоутробный,
В нём – окон, лоджий – без конца.
И шесть ступенек у крыльца.

По ним шесть лет по лихолетьям
Он, гениальный, отшагал.
В тенетах небылиц и сплетен
Сплетений хитростных оскал.

Куда он шёл? Не знал ведь ране,
Что уготовано судьбой.
Один, как лодка в океане,
Он шёл один, в неравный бой.

Он смелым был? Не кулаками,
Не громом голоса он брал? –
Своими добрыми руками
От зла он землю защищал!

Мы без него – какая малость.
Да! Не икона, не святой.
Но с нами тень его осталась
И подвиг жизни непростой.

Музей открыт. Идут и едут.
Свеча горит. Свеча горит.
И он ведёт с тобой беседу
О вечном молча говорит.

СТРАШНЫЙ ДОМ

(на Воробьёвке)

Этой улицы тень мне до боли знакома.
Страшно было ходить мимо страшного дома.
Страшно было взглянуть на мертвящие окна.
Через множество лет реки слёз не просохли!

Где-то там, где-то там чьи-то судьбы решались.
От звериного окрика крики боли метались.
Чьи-то грубые руки зверем в душу вонзались,
Чьи-то белые голуби в облаках растворялись.

Где-то там, где-то там затаилось злодейство –
Вплоть до чёрного дня отлежится в бездействии,
В бедных душах людей, в торжестве неприличия
Отдыхает безумие в зверином обличии.

ЕЩЁ МЫ ЖИВЫ

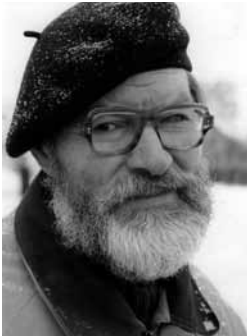
Ещё мы живы. –
Господи, прости!
Мы – дети тех,
Кто всуе оклеветан
И злобною молвою обесчещен
Пока мы живы!
Господи, прости!
Простишь ли тех,
Кто в подлости взращен,
Уродством человечества воспитан,
Чей рай земной –
У сытого корыта.
Но двери в ад для них
Всегда открыты!
Пусть каждый мученик
Тем будет отомщен.

* * *

Пусть встанет памятник.
Народ наш одичалый
Сам разберётся, сам поймет,
Где правда, а где ложь
И клеветы начало.
Тогда утихнет боль
Словесных поединков.
И уж не запоют
Частушек на поминках.
Не будут осквернять
Святыни без разбора.
Добрее станут люди!
И тогда
Уйдут в историю
Зловещие года
И пусть не повторятся никогда
Года и славы и позора!
Пусть будет памятник.

ПОМНИТЕ

Товарищи, помните
Жертв лихолетий,
Когда на расстрелы
Вели невиновных
И в дикой нужде
Оставались их дети
Изгоями масс
Ослеплённых и тёмных...
Помянем, товарищи,
Всех невиновных,
Погибших бесславно
От рук вероломных!
А те, кто губил,
Кто по крови нам «братья»,
Достойны проклятья,
Достойны проклятья...
Товарищи, помните
Жертв лихолетий.
Помянем, товарищи,
Всех невиновных!

Владимир Иванович Жильцов

(1946–2010)

Родился 28 июня 1946 года в селе Пителино Рязанской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского государственного университета им. Н.И.Лобачевского, Балахнинский энергетический техникум. С 1969 по 1973 год – политзаключенный. Реабилитирован в 1990 году. После освобождения трудился плотником, бетонщиком, монтажником на стройке, грузчиком, почтальоном, учителем русского языка и литературы, депутатом областного Совета депутатов трудящихся, журналистом, председателем комиссии при губернаторе Нижегородской области по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, председателем Нижегородского отделения Союза писателей России, секретарем правления Союза писателей России. Стихи писал с детства. Первая публикация была в 1962 году. Трижды лауреат премии Нижнего Новгорода, лауреат литературной премии им. М. Горького. Автор стихотворных сборников «Тихий свет» (1996), «Здравствуй, осень...» (2001), «Черемуховые холода» (2001), «Горькая нежность» (2003), «Серебряный дождь» (2006), «Лисичкин хлеб» (2006), «Земные календари» (2009), «Разлучное прощания вино» (2010), «Внимая сердцем» (2010) (мемориальная поэтическая серия «Свеча горела»). Печатался в отечественных и зарубежных СМИ, а также в альманахах и коллективных сборниках. Вошел в антологию русской поэзии XX и XXI веков. Скоропостижно скончался 1 марта 2010 года, похоронен в Нижнем Новгороде.

МАЙСКИЕ НОЧИ

Всю ночь старики ворочались,
Ругали минувшего промахи.
Весна улыбалась в очи им,
Душил аромат черемухи.
Кряхтели, притворно разбужены,
Тапки ногою нашаривая,
На тропки, годами закруженные,
Гнала их ночная испарина.
Турлыкали смерды болотные,
Скользила сова под облаком.
Стояли деды бесплотные
В белых, как смерть, исподниках.
Кто знает, о чем они думали,
Свой век вороша невесело...
Жизнь прокатилась шумная,
Разного накуролесила.
И вроде бы чаша не минула,
И вроде бы налито по уши
За землю отечески милую
И вражьей, и собственной кровушки.
Светила звезда деbeatая,
Венерою нарекаемая,
Но... никакого дела ей
До этих душ неприкаянных.
Всю ночь старики покачивали
Звезды в глазах своих тонущих.
И вечность глядела незрячая,
Не обещая помощи.

Политлагерь ЖХ-385/17 Мордовия. 1972 год

ПОДСОЛНУХ

В Нижнем граде, на ярмарке пышной,
Где сплошная бетонная гладь,
У железной ограды, в затишье,
Мне подсолнух пришлось повстречать.
Вмиг покинули тяжкие мысли,
На душе сразу стало легко...
И хотелось шершавые листья
Благодарною гладить рукой.
Ах, подсолнух!
В торгашеском гаме
Не за нас ли так борется он,
Как зубами, вгрызаясь корнями,
В неуступчивый, жесткий бетон.
Что ж мы жизнь,
Греховодники, кроем?
Зло презрев, нужно сметь и дерзать
И заимствовать слабой душою
Эту силу и гордую стать.
Чтобы каждый из нас был не промах
В затянувшейся смуте времен
И упрям, словно дерзкий подсолнух,
Одоловший неволи бетон.

* * *

Вспоминаю былое без грусти,
Но любовь невозможна без слез...
Знаю, злобы она не допустит,
Хоть лихого хлебнуть довелось.

Нас растило великое время
В невеликих Руси городках,
Выносивших державное бремя
И победно гулявших в чапках.

Рожь цвела, голубели морозы,
Падал август, сорвавшись звездой,
Гимном славы мерещились грозы,
Дальним эхом поры фронтовой.

И, презревши обузу законов,
Жизнь сводила на знобном юру
С оторвой из военных детдомов
И шпаной прибалтийской РУ.

Как на фронте, не зная сомнений
(Прибалтийский, естественно, – враг...),
Без предательской дрожи в коленях
Мы бросались в сумятицу драк.

Жажда правды томила нас с детства,
Мир прекрасный сулила Москва...
И, отцов принимая наследство,
Мы росли, словно в поле трава.

ЛИСИЧКИН ХЛЕБ

Гремя задубелым тулупом,
С морозом и уличной мглой,
На склоне синеющих суток
Отец возвращался домой.

Мать в угол крестилась украдкой
И летом встречала отца:
Раздеть, накормить по порядку,
Налить для сугрева винца...

И, губы отерши ладонью,
Широкой, холодной такой,
С отеческой скрытой любовью
И строгою лаской мужской

Сажал он меня на колени
И горько меня целовал...
И были прекрасны мгновенья,
Как ныне бессильны слова.

Он спрашивал: «Как вы тут с братом?
Опять, видно, драка до слез? –
А я-то лисичкин, богатый,
Из леса гостинец вам вез...»

Но видя, как разом смуреют
Лобаны, родителю в стать,
Спешил из тулуша скорее
Лисичкин подарок достать.

И, Боже мой!
Радости сколько
Вливал в воробьиною плоть
Ржаной –
Ну подумайте только –
Замерзшего хлеба ломоть.

Отец улыбался, довольный,
И так говорил:
Срок придет,
К лисичке, мол, в лес ее дольный
Он нас непременно возьмет.

А часто сидел, опечалась,
И тонкие «гвоздики» жег...
Казалось, он то видел в даях,
Что я еще видеть не мог.

Хорошие шли разговоры.
Огонь керосиновый слеп...
И пахнул весной нескорой
Лисичкин оттаявший хлеб.

Пойми, что тут –
Сказка иль вера?
А впрочем,
Зачем этот труд –
Есть жизни вершинная мера,
Которую счастьем зовут.

* * *

Счастья не бывает слишком много.
О судьбе не скажет ворон-птица...
Васильки выходят на дорогу
Путнику с улыбкой поклониться.

Радуйтесь
    закатам и рассветам!
Ведайте о том,
    чего не знали –
В тридцать три нельзя быть домоседом.
В тридцать три дописаны скрижали.

Счастья не бывает слишком много.
Радости всегда бывает мало...
Неулыбчив месяц круторогий,
Коль удачи в жизни не достало.

Потому не надо торопиться.
Круг земной опробован не нами.
Пусть мелькают дней веселых спицы
С песнями, потерями, снегами...

Счастья не бывает слишком много.
Милость, словно хлеб, не оброните,
Чтобы провожали вас в дорогу
Васильки улыбочивые в жите.

* * *

Солнце – на лето, зима – на мороз,
Сытари так на Руси повелось.

Бьется об лед окушѣк-краснопер,
Катит зима из-за сказочных гор.

Сердце – на лето, душа – на мороз,
Хруст примороженных вечностью звезд.

В латах из ваты бредут рыбаки
В сумерках сизых горячей зари.

Платья – на вырост, тела – на погост...
Мир, как и прежде, разумен и прост.

Коротко, ясно. Просить не проси –
Так и живут на великой Руси.

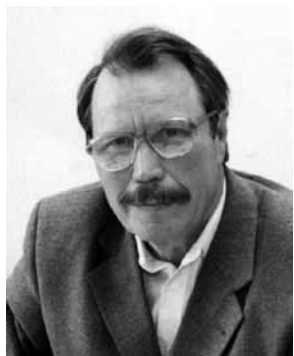
* * *

Осиянный солнца добрым светом,
Будь доволен собственной судьбой...
Сплошь обрызган алой кровью лета
Вишенник за дряхлой городьбой.

Господом ниспосланное чудо,
Дар земли, печальной, но родной,
Отчего ж вокруг одни Иуды?
Почему вопят за упокой?

Совлекут к неведомым дорогам
Летних зорь небесные огни, –
Если счастья будет слишком много,
Как его достойно оценить?

Потому пойдем по белу свету,
Дорожа безделицей любой...
Сплошь обрызган алой кровью лета
Вишенник за дряхлой городьбой.

Лев Иванович КОЗЛОВ

Родился 10 декабря 1940 года в городе Борзя Читинской области в семье военнослужащего Козлова Ивана Васильевича, участника Великой Отечественной войны, репрессированного в 1946 году. После обвинения отца мать, Марию Васильевну, работавшую главным бухгалтером Юрьевской льнопрядильной фабрики, понизили в должности, ей приходилось с трудом поднимать двух сыновей. В 1966 году Л.И. Козлов окончил Новочеркасский политехнический институт по специальности «инженер-механик», после чего работал на Кировском авторемонтном заводе инженером-технологом, инженером-конструктором, начальником цеха, главным инженером. В 1970 году получил назначение на авторемонтный завод города Арзамаса, где десять лет проработал старшим мастером моторного участка и начальником производства. С 1991 года до пенсии работал техническим директором и инженером по охране труда ЗАО «Пустыно». В настоящее время живет в Нижнем Новгороде, инвалид II группы по зрению, член Нагорного общества слепых, участвует в работе «Поэтической гостиной», обладатель диплома на турнире поэтов ВОС в 2011 году. Публикует свои стихи в альманахе «Поэтической гостиной» и в газетах.

ОДНА ВИНТОВКА НА ТРОИХ

Одна винтовка на троих,
Одна на трёх солдат бывалых.
Прошедших финскую. А здесь?
Здесь им грозит по 9 граммов.

Одна винтовка на троих
И вера в жертвоприношение.
В Верховного и в тех, кто с ним –
Во имя Родины спасенье.

У них: окопных, полевых,
Ни перед кем не виноватых,
Одна винтовка на троих
И ненависть на интендантов.

Кому какого ждать конца?
Вдруг очередь из автомата
Сразила первого бойца –
Вооруженного солдата.

Он был разумным храбрецом
И на рожон не лез под пули,
Ну разве можно усмотреть,
Куда же метит пуля-дура?

Он был и мужем, и отцом,
И сельским кузнецом исправным,
А здесь в погибельном бою
Сложил он голову бесславно.

Повсюду смерть – куда ни кинь.
Эх, сколько polegло народа?
Свист пуль, стон раненых, вой мин,
Приказы командира взвода.

Слились в едино страшный звук,
Симфонию зловещей смерти.
Одна винтовка на двоих –
Кто за погибель их ответит?

Стреляет метко Черноус –
Второго звали так солдата:
Товарищ верный и не трус
Был каменщик из Ленинграда.

Патронов мало на двоих...
Но что же стало с Черноусом?
Как, видно, ранило его –
Ну где же санитар Маруся?

Спешу, Марусенька, спешу
И окажи бойцу услугу.
Солдат страдает, но молчит –
Он получил раненье в руку.

Патронов мало, и сейчас
И надо бить прицельно четко.
Была винтовка на троих –
Теперь на одного винтовка.

Наш долг – порою вспоминать
Тех, кто попал в войны горнило,
Сражались, жизнью заплатив,
Но сохранив Отчизне имя.

МАЙСКИЙ ЛЕС

Майским днём,
Весенним, тёплым,
Хорошо в лесу:
Развесельем солнце смотрит
На его красу.

Все в обнову нарядились,
Всё вокруг цветёт,
Где-то в чаще непролазной
Соловей поёт.

Раскукукалась кукушка,
И откуда прыть:
Сотню лет, откуковала,
Мне осталось жить.

Пахнет ландышем и мятой,
Смоляной сосной,
Так и тянет растянуться
На траве лесной.

1975 год

РОМАШКИ

Ромашки, ромашки,
Ромашки цветут,
И руки девичьи
С надеждой их рвут.

Рвут и срывают
С них лепестки:
Любит – не любит,
Попросит руки...

Срывают, гадают,
А вдруг совпадёт:
Любит – не любит,
Своей назовёт.

Гадают, гадают
По несколько раз.
Гадайте, девчонки, –
Ромашки для вас.

Ромашки, ромашки
Девчонок манят,
Их мысли и тайны
Священно хранят.

РЯБИНУШКА

Рябинушка кудрявая
В моё окно стучит,
Чтоб красотой осеннею
Меня приворожить.

Багровых гроздьев бусинки
Протягивает мне
И что-то шепчет грустное
В рассветной тишине.

Наверное, рябинушка
Печалится о том,
Что друга нет надёжного
И верного во всём.

Все чаще, одинокой, ей
Приходит ночью сон,
Что к ней ветвями тянется
Большой красавец клён.

Любимец лета бабьего,
Осинок и берёз
Нарядным модным щеголем
Неподалёку рос.

И часто клён рябинушке
Верхушкою кивал.
И говорил ей ласково,
И милой называл.

Краснела больше прежнего
Рябинушка тогда,
И посылала нежные
Слова любви она.

Но, видимо, несчастная
Ей выпала судьба,
Что не сойтись рябинушке
С любимым никогда.

Не сбудутся желанья
Её счастливых грёз,
И рдеют гроздья алые,
Как символ горьких слёз.

ИСЦЕЛЕНИЕ ДУШИ

Утомилась моя душа
От суетности, от пороков.
Трудовые порывы сверша,
Ждал я случая, ждал я сроков.

Я уехал душу лечить
В глушь, в деревню, в лесные чащи.
Чистый воздух досыта пить
И водицу в глубинной чаши.

Я брожу над быстрой рекой
Босиком, приминая травы.
И есенинской млею строфой
На краю могучей дубравы.

Тишина. Деревенский покой.
Исцеляет смиренную душу.
Здесь я нужен. И здесь я свой,
Здесь комфортнее мне и лучше.

Борис Петрович КОРНИЛОВ

(1907–1938)

Родился 16 июля 1907 года в городе Семёнове в семье сельских учителей, Петра Тарасовича и Таисии Михайловны. В пять лет он самостоятельно читал Пушкина, Гоголя и др., начал писать собственные стихи. В школе был пионерским и комсомольским активистом, писал статьи в стенгазеты, сотрудничал с местным молодежным театром «Синяя блуза». В 1925 году в нижегородской губернской газете «Молодая рать» появилась первая публикация Бориса Корнилова. В этом же году Борис уехал учиться в Ленинград, попал в литературную группу «Смена» на Невском проспекте, где познакомился со своей первой женой Ольгой Берггольц. Вместе они поступили на высшие курсы искусствознания при Институте истории искусств, где перед слушателями выступали Владимир Маяковский, Эдуард Багрицкий и другие признанные поэты. О. Берггольц поэт посвятил свою первую книгу «Молодость». Изданная 3-тысячным тиражом, она принесла Борису Корнилову первый успех. 1931 год стал одним из самых плодотворных для 25-летнего поэта. Вышел его сборник «Все мои приятели», стихи печатались в журналах «Звезда», «Ленинград», «Стройка». В 1932 году Корнилов написал «Песню о встречном» для к/ф «Встречный». В 1933 году в Ленинградском отделении издательства «Молодая гвардия» вышла его поэма «Триполье» о революционных событиях на Украине в 1919 году. Поэму сразу же заметили и вскоре переиздали в Москве. Композитор Дмитрий Шостакович, написавший музыку к «Песне о встречном», говорил о поэте: «Это великий мастер слова, достойный того, чтобы о нем знали все, знали его поэзию, в которой он сам предстает человеком неистощимого жизнелюбия». О поэме Корнилова «Моя Африка» в парижской прессе положительно отозвался Ромен

Роллан, знаменитый режиссер Всеволод Мейерхольд попросил написать пьесу о классовой борьбе в деревне. Но в 1937 году, в ночь с 19 на 20 марта, Бориса Корнилова арестовали. Ему было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности, в распространении своих антисоветских произведений по статье 58, п. 10 УК РСФСР. В 1938 году выездная сессия Верховного суда приговорила Бориса Корнилова к высшей мере – расстрелу. Его имя вошло в список запрещенных поэтов, книги изымались из библиотек. Борис Корнилов был полностью реабилитирован лишь в июле 1956 года. Многие факты биографии поэта стали известны благодаря многолетним усилиям семеновского учителя и краеведа Карпа Васильевича Ефимова. Ему удалось найти место тайного захоронения поэта на территории Левашовской пустоши под Ленинградом и получить разрешение на установку в этом месте поминального креста с портретом поэта. В Семенове памятник поэту был открыт еще в 1967 году, работает музейная экспозиция Бориса Корнилова.

* * *

В Нижнем Новгороде с откоса
чайки падают на пески,
все девчонки гуляют без спроса
и совсем пропадают с тоски.

Пахнет липой, сиренью и мятой,
небывалый слепит колорит,
парни ходят — картуз помятый,
папироска во рту горит.

Вот повеяло песней далёкой,
ненадолго почудилось всем,
что увидят глаза с поволокой,
позабитые всеми совсем.

Эти вовсе без края просторы,
где горит палисадник любой,
Нижний Новгород, Дятловы горы,
Ночью сумрак чуть-чуть голубой.

Влажным ветром пахнуло немного,
лёгким дымом, травую сырой,
снова Волга идёт как дорога,
вся покачиваясь под горой.

Снова тронутый радостью долгой,
я пою, что спокойствие — прах,
что высокие звёзды над Волгой
тоже гаснут на первых порах.

Что напрасно, забытая рано,
хороша, молода, весела,
как в несбыточной песне, Татьяна
в Нижнем Новгороде жила.

Вот опять на песках, на парамах
ночь огромная залегла,
дует запахом чахлых черёмух,
налетающим из-за угла,

тянет дождиком, рваною тучей
обволакивает зарю, —
я с тобою на всякий случай
ровным голосом говорю.

Наши разные разговоры,
наши песенки вперебой.
Нижний Новгород, Дятловы горы,
Ночью сумрак чуть-чуть голубой.

ПЕСНЯ О ВСТРЕЧНОМ

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Весёлому пенью гудка?

Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

И радость поёт, не скончая,
И песня навстречу идёт,
И люди смеются, встречая,
И встречное солнце встаёт —

Горячее и бравое,
Бодрит меня.
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

Бригада нас встретит работой,
И ты улыбнёшься друзьям,
С которыми труд, и забота,
И встречный, и жизнь — пополам.

За Нарвскую заставою,
В громах, в огнях,
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

И с ней до победного края
Ты, молодость наша, пройдёшь,
Покуда не выйдет вторая
Навстречу тебе молодёжь.

И в жизнь вбежит оравою,
Отцов сменя.
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

...И радость никак не запрятать,
Когда барабанщики бьют:
За нами идут октябрюта,
Картавые песни поют.

Отважные, картавые,
Идут, звеня.
Страна встаёт со славою
На встречу дня!

Такою прекрасною речью
О правде своей заяви.
Мы жизни выходим навстречу,
Навстречу труду и любви!

Любить грешно ль, кудрявая,
Когда, звеня,
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

1932 год

ЕЛКА

Рябины пламенные грозди,
И ветра голубого вой,
И небо в золотой коросте
Над неприкрытой головой.
И ничего –
Ни зла, ни грусти.
Я в мире темном и пустом,
Лишь хрустнут под ногою грузди,
Чуть-чуть прикрытые листом.
Здесь все рассудку незнакомо,
Здесь делай все – хоть не дыши,
Здесь ни завета,
Ни закона,
Ни заповеди,
Ни души.
Сюда – как бы всего к истоку,
Здесь пухлым елкам нет числа.
Как много их...
Но тут же сбоку
Еще одна произроста,

Еще младенец двухнедельный,
Он по колено в землю врыт,
Уже с иголочки,
Нательной
Зеленой шубкою прикрыт.
Так и течет, шумя плечами,
Пошатываясь...
Ну, живи,
Расти, не думая ночами
О гибели и о любви,
Что где-то смерть, кого-то гонят,
Что слезы льются в тишине
И кто-то на воде не тонет
И не сгорает на огне.
Живи –
И не горюй,
Не сетуй,
А я подумаю в пути:
Быть может, легче жизни этой
Мне, дорогая, не найти.
А я пророс огнем и злобой,
Посыпан пеплом и золой, –
Широколобий,
Низколобий,
Набитый песней и хулой.
Ходил на праздник я престольный,
Гармонь надел через плечо,
С такою песней непристойной,
Что богу было горячо.
Меня ни разу не встречали
Заботой друга и жены –
Так без тоски и без печали
Уйду из этой тишины.
Уйду из этой жизни прошлой,
Веселой злобы не тая, –
И в землю втоптана подошвой –
Как елка – молодость моя.

Майя Иосифовна ЛЕВАШОВА

Родилась 13 ноября 1930 года в Москве в семье поляка, Иосифа Яковлевича Лихтенштейна. До ареста в 1937 году отец работал главным инженером Горного института на Алтае. Его жена, Варвара Григорьевна, участница Гражданской войны, с двумя детьми в то время находилась в Москве, где их семью объявили «врагами народа» и лишили квартиры. В 1942 году усилиями Варвары Григорьевны дело отца было пересмотрено, его реабилитировали и направили на работу в Кузбасс. Майя Иосифовна окончила Московский финансовый институт, несколько лет проработала в городе Калинин (Тверь), затем переехала в Нижний Новгород. В настоящее время находится на пенсии, занимается внуками, садом, любительской видеосъемкой. Опубликовано семь сборников ее стихов.

ДРУЗЬЯ!

Друзья, приходите в мой дом, приходите!
Я накрою вам стол, – смотрите.
Распахну перед вами и двери, и душу.
Обогрею вас в самую лютую стужу.

Мы в глаза поглядим друг другу
И разделим беду и радость,
Пустим чашу с вином по кругу
И забудем про боли и старость.

Простим и обиды и ссоры,
Души очистив от сора.
Мы по-дружески руки сплетём
И хорошие песни споём!

Приходите в мой дом, приходите!
В нём, как прежде, вас любят и ждут.
И сердца свои приносите, –
Семена, что посеём, – взойдут!

Доброта расцветёт ромашкой,
Красота – васильками глаз.
Что ж ещё нам согреет кровь?
– Это Солнце, Весна и Любовь.

2010 год

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Ещё предчувствие весны...
Но уже будит вдохновенье
Её дыхание, круги
Вокруг теплеющих деревьев.

Ещё снега, метут метели,
Но это прошлое! Уже
В лесу заснеженные ели
Открыто грезят о тепле.

В душе художника весна!
И торжествует вдохновенье!
В картинах греют облака
Сквозь гениальное прозренье.

И солнца робкие лучи
Всё ярче в небе разгораясь
Растопят льдистый слой земли,
И птичий хор весну заявит!

В МИНУТУ СЛАБОСТИ

А силы тают, тают, тают...
И в сердце странная застыла тишина.
И хорошо, никто из нас не знает,
Когда она наступит навсегда.

Мы гоним, гоним эти мысли прочь
И днём справляемся, забот по горло.
Трудней, когда приходит ночь
И мысли возвращаются упорно.

Стучат часы, густеет мрак.
Жизнь как шагреневая кожа...
И мысли чёрные (наш главный враг)
Вплоть до рассвета корчат рожи.

Но утро всё-таки наступит!
И мысли чёрные, и мрак – отступят.

КАК ХОРОШО, ЧТО ДОВЕЛОСЬ...

Жить средь любви и мудрецов,
Не изменяя убеждениям,
И умереть б среди цветов,
Переступив чрез сожаленье,

Что не дожил, не долюбил
И дел земных не переделал,
Но всё ж ЛЮБИЛ и был ЛЮБИМ,
И всё, что смог, от сердца сделал.

И оставляя на земле
Своих детей, больших и малых,
Я щедрой поклонюсь судьбе
За НИХ! И за друзей, и молодых и старых!

ГОРЬКАЯ ПОЛОСА

То, что случилось со страной,
Не поддаётся описанию.
Ну что мы сделали с собой! –
Ведь нам не будет оправданья.

Потомки спросят не с «героев».
С народа спросят, то есть с нас, –
Мы ж лишь на кухнях громко ноём
Да руки опускаются подчас...

Мы оплевали прошлое. А «хваткие»,
Воруя, строят «лжекапитализм»,
Без чести, совести, на деньги падкие,
И их диагноз – «злой идиотизм».

Но всё минует – пройдёт и эта полоса.
Обидно только: случится это без меня.

ОПЯТЬ ВЕСНА

Когда весна, сюжет искать не надо, –
Душа готова трепетать иль плакать.
И с ней весною просто нету сладу,
И в ней распутица: то солнышко, то слякоть.

Проблемы давят. У кого их нет?!
Бегут года, – мне скоро стукнет 80 лет.
Я счастлива, что всё ещё живу на свете,
Хоть всё не просто на родной планете.

Март месяц ветреный и снежный,
Но голубой, изменчивый и нежный.
И сердцу милы тени на снегу.
Плывёт кораблик первый по ручью.

Я буду счастлива, коль повезёт дожить
До почек, лопнувших на ласковой берёзе,
И в сад цветущий окна отворить,
Чтоб слушать соловья, поющего о розе.

Юрий Исаакович НЕЙМАРК

(1920–2011)

Родился в ноябре 1920 года в городе Нижнеднепровске Днепропетровской области, где его отец был главным механиком и главным энергетиком завода им. К. Либкнехта. В 1937 году родители были арестованы по 58-й статье УК РСФСР. Военным трибуналом отец, Исаак Густавович, был приговорен к высшей мере наказания, а мать, Елена Николаевна, – к тюремному заключению. Юноша был отправлен в детский дом города Халтурина Кировской области, где демонстрировал яркие способности к физике и математике. В 1939 году Ю.И. Неймарк поступил на физико-математический факультет Горьковского государственного университета, с чего и началась его выдающаяся научная и педагогическая деятельность. Юрий Исаакович Неймарк - академик РАЕН с 1991 года; доктор технических наук, почетный профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского, почетный Соросовский профессор, член Национального комитета по теоретической и прикладной механике, заслуженный деятель науки, лауреат премии Сороса, академической премии академика А.А. Андропова и премии по кибернетике имени нобелевского лауреата Норберта Винера. Награжден орденом «Знак Почета» и медалью «Почетный работник высшей школы» за заслуги в развитии отечественной космонавтики. Автор 10 монографий, более 400 научных работ, 20 изобретений. В 2007 году Американское биографическое общество «Who is who» вручило Ю.И. Неймарку медаль «Гений XXI века». Этого почетного звания удостоены всего 500 человек планеты. Среди учеников Ю.И. Неймарка много талантливых, выдающихся ученых. Им было подготовлено 57 кандидатов и 17 докторов наук. В 2000 году он опубликовал книгу «Сухой остаток. К истории в лицах научной школы А.А. Андропова», а в 2005 и 2006 годах – два сборника своих стихов.

* * *

Жизнь как блокнот,
В котором каждый день
Исписываем мы листок,
А как испишем весь блокнот,
Тут и конец.
Но сколько впереди страниц,
Не знаем.
Можно его листать назад
И узнавать,
Как раньше дни провел,
Что упустил,
Что сделал, приобрел,
Где ошибался,
Где угадал,
Что радость принесло,
А что печаль,
Где повезло,
И кто помог,
А кто мешал,
И где и как
Удачу изловил.
А главное,
Перевернув страницу,
Невольно думаешь:
а был ли в этом прок,
Иль день мой просто так утек.
А кто осмысливает жизнь
И ценит время,
Успешней и счастливее живет.

ЖИЗНИ ИСПЫТАНЬЯ

(отрывок)

Временами с знобящим ужасом
Я вижу, как по коридору
Идет отец,
А сзади, пистолетик поднимая,
Тот, кто смерть ему пошлет,
Курок уж нажимает
И в задницу привычным образом
Ногой пинает,
Чтоб на него нечаянно
Брызги не попали
Мозгов, которые при жизни
О чем-то думали, мечтали,
Чему-то радовались
И что-то ожидали.
Зачем? Кому они мешали?
Что думал мой отец,
Когда он шел
По коридору,
Понимая, что жизни
Настал конец?
Сердце и горло клещи сжали,
Мороз по телу пробегает,
В голове отчаянная пустота.
Он ад прошел, где правит сатана
И правда не нужна.
Мучить будут
Пока не скажешь «да»,
Хотя подлейшая брехня.
Он весь сгорел дотла.

И смерть, как избавление, пришла.
Как мерзок человек
В своих деяниях,
Как мне противна власть,
Которая, границ не зная,
людей на гибель обрекает,
Как хлам, который ей мешает,
А бездумная машина государства
Усердно повеленья выполняет.
Как могут люди ее терпеть,
Восхищаться и преклоняться,
Чтоб в жизни свой кусок иметь,
Не понимая,
Что он, народ,
Жизнь создает,
Ее питает,
А власть, его служанка,
Над ним верх взяла.
Когда я думаю об этом,
То не приемлю мир людской
С такую жалкое и горестной судьбой.

ЧЕЛОВЕК И МИР

Мир земной нам не подвластен,
Но в нем нам жить – другого не дано.
Лишь приспособиться мы можем под него.
Не властвовать и разорять,
Беречь и охранять.
Таков закон природы, мироздания.
И это до сознания
Доходит не всегда, и тогда
Природа человеку мстить исчезновением.
И если не одумается он,
То будет в вечность погружен.

* * *

Я жизнь прожил,
Страдал, любил,
Болея, боролся,
Природой любовался,
Учился и учил,
Творил как мог,
И жизнью наслаждался.
Но никогда, над бездной нависая,
Не унижался,
Проя пощады у творца.
Был стойким не всегда
И, не переча,
Я покорялся злу,
Чтоб жизнь не потерять.
Теперь все позади:
Кипения страстей, отвага жизни,
Удаль молодая, стремленье все понять...
Уже совсем старик
И скоро восемьдесят пять,
Но не пойму, зачем и почему
Я жизнь все более люблю,
Ценю и понимаю,
И чувствую ее все тоньше и полней,
И стал стихи писать, как молодой юнец,
Откладывая дел привычных ворох.
Как будто жизни порох еще не отсырел.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ

Средь всех наук,
Которыми прельщался,
В конце концов
Пришел к тому,
Что нет науки интересней и важней
Той, что душу наполняет восхищеньем
Его красотой
И мудрой простотой.
Чтоб мир познать,
Нам разум придается,
А ощущать его красу –
Эмоций рой.
Но все же Божие творенье
Нам удалось постигнуть лишь чуть-чуть.
Но человека не покидает ощущение,
Что он могуч
И мир познает и поймет.
Быть может – это лишь затмение,
Которое нам силы придает,
О чем заботился
Творец природы Бог.

Зоя Мироновна Нуждина

Родилась в деревне Кунорино Городецкого района в семье военного. В 1943 году отца, Мирона Михайловича Гунякова, арестовали по статье 58-10 ч. II УК РСФСР и приговорили к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. На руках у матери осталось четверо детей, из которых выжили всего двое. Зоя Мироновна успешно окончила Балахнинский торфяной техникум, кроме диплома получила удостоверение токаря, слесаря, сварщика и тракториста. После распределения работала мастером по добыче торфа в Монетном торфопредприятии на Урале, была секретарем комитета ВЛКСМ, членом бюро Березовского райкома комсомола. Заочно окончила Горьковский политехнический институт, затем там же получила второе высшее образование по специальности «системы автоматизации производства», позднее окончила университет марксизма-ленинизма при Горьковском обкоме партии. Работала в технологической службе на Заволжском моторном заводе. Работу инженера-технолога, начальника техбюро совмещала с общественной работой пропагандиста, руководителя методсовета комсомольской политсети. В 1996 году семью Гуняковых реабилитировали решением военной прокуратуры Российской Федерации. Сегодня З.М. Нуждина пенсионерка, инвалид по зрению, ветеран труда, заслуженный ветеран автомотостроения.

ДОРОГА ДОМОЙ

Вот из садика дорожка.
Пробегусь по ней немножко.
Я везу домой Наташку,
Несмотря на гололед.

К вечеру мороз крепчает,
Я ж его не замечаю.
Смазал пятки, и айда –
Санки едут без труда.

Обернулся – девки нет
Ни на санках, ни в сугробе.
Повернул назад и чесом
Отыскать, где ткнулась носом.

Заправляю ноги в санки.
«Ты смотри, мол, ни гугу
А она в ответ кивает:
«Ладно! Тайну сберегу».

Только встала на порог –
К матери на шею скок.
Шепчет на ухо беду,
Рукавички все в снегу.

Пригрозила сыну пальцем,
Развела руками мать.
Где скатилась слезинка,
Где растаяла снежинка –
Трудно было разобрать.

ВЕСНА ВСЕМ ЖЕНЩИНАМ К ЛИЦУ

I

Весна идет! А вам семнадцать.
Пора прекрасная для всех.
Пора любви, пора дерзаний,
Пора надежды на успех.

Лишь чуть весна тебя коснулась
Сквозь тучки золотым лучом,
Ты чуть заметно встрепенулась,
И капюшон лег на плечо.

Струятся волосы по ветру,
И смех звучит все веселей.
Румянец бьется во всю щеку.
У одноклассника, что сбоку,
Рот растянулся до ушей

То восхищение, то радость.
Охватывают парня вновь
Восторг! И сердце тут же замирает.
Так зарождается любовь!

II

А ты давно уже на марше
И локон в «серебро» окрашен.
Весна тебя одолевает,
Тон задает, повелевает.

Готовишь свадебный наряд,
Секрет друзьям открыть боишься.
Ты ходишь, будто бы искришься.
Любимый каждой встрече рад.

Весна смеется вам в лицо,
И смеху этому вы рады.
Лучатся счастьем ваши взгляды.
Не надо быть тут мудрецом!

III

Прошли года. Судьба жестоко
Не раз с тобою обошлась.
И вот опять ты одинока,
И свет не радует твой глаз.

Но вот весна вам прокричала:
«Не поздно все начать сначала!
И в сорок можно начинать,
Пусть на висках седая прядь».

Теперь вы самоутвердились.
Уж дети ваши подросли
И понимать вас научились.
Вы ж снова словно расцвели.

Сменилась мода. Вам к лицу
Наряды, что диктует дочка.
Не рано ли вам ставить точку
И месть готовить подлецу?

Весной природа обновится.
Не стоит хмуриться и злиться.
Есть выбор, есть и предложенья,
И вы достойны уваженья.

Вы к счастью протяните руки,
И вас покинут эти муки.
Весна людьми владеет властно.
Поверьте ей, ведь жизнь прекрасна!

IV

Вас не назвать уж молодой.
Чуток осанка изменилась.
Походку мягкой не назвать –
Давно уж бабушка, не мать.

Но вот опять пригрело солнце.
Капель стучит по подоконцу.
Весну теперь уж не унять.
Вы собираетесь гулять.

Ручьи бегут, кричат мальчишки,
Ловя последние снежки.
Желанной встречи ищешь ты,
Жизнь принимая не по книжке.

Пусть голова твоя седа.
Весна же радость нам пророчит,
Ведь старый друг ваш очень хочет
Совместно доживать года.

Пуškai усталые глаза
Осветит радостью, пусть зыбкой.
О, как вы молоды улыбкой!
Пенять не стоит на года!

Ходить не стоит к мудрецу –
Весна всем женщинам к лицу!
Март, 2007 год

ОСЕННИЙ РОМАНС

Листья с берез осыпаются золотом.
Молча по ним мы идем с тихим шорохом.
Наша любовь отзвенела, как колокол.
Так почему же слова твои бьют словно молотом?

Были ж дожди и раскаты весенние,
Частые встречи, в рассвет уходящие.
Скоро мои растопили сомнения
Жаркие руки и губы манящие.

День ото дня кружева плел искусные.
Мнилось, что счастье мое состоялось.
Но скоротечны ночи июньские,
И от надежд ничего не осталось.

Листья осины багрянцем отмечены.
Небо повисло свинцовое с просинью.
Наша любовь оставалась невенчанной.
Видно тепла не найти нам с тобой этой осенью.
Октябрь, 2012 год

Галина Ивановна ОКУНЕВА

Родилась в 1937 году на прииске поселка Соловьевск Амурского края, куда семья Мазенковых была сослана после раскулачивания. Родители родом из Кадуйского района Вологодской области. В 1954 году после окончания школы Галина Ивановна уехала в Иваново, где окончила текстильный институт по специальности «инженер-теплотехник». По распределению попала в Горький на силикатный завод №1, затем вплоть до ухода на пенсию работала на заводе «Красное Сормово», где занималась общественной работой, участвовала в художественной самодеятельности. Ветеран труда, член советов общественных организаций «Защита прав жертв политических репрессий» Сормовского района, Нижнего Новгорода и области, член Совета общественного самоуправления.

КТО ОТВЕТИТ?

Как начиналось это, помнили всё деды.
Отцы, их братья, которых нет давно
Расстреляны, унижены, убиты.
Они оттуда шлют своё «прости».

Как это было, помним все мы сами.
Как жернова сожрали матерей,
А наши судьбы скручены до боли.
Где ж правда? Дай ответ скорей.

Нет ответа, нет его, не будет,
Как нет и тех, кто это сотворил.
Так почему же стоны раздаются?
Так ведь никто их крышкой не покрыл.

ПАМЯТЬ

Память чёрной птицей
В небе проплывает,
Боль в груди сердечная
Никак не утихает.

Скоро век исполнится
Адскому злодейству,
Неужели сбудется,
Неужели вспомнят?

Где вы, злые вороны
Душегубы лютые?
По углам попрятались,
Иль в земле зарытые?

Хоть бы раз увидеть
Мамочку родную,
Отдала б за это
Жизнь свою святую.

Кто же нас услышит,
Кто же нас признает?
Где же справедливость?
Скажите мне, кто знает...

БАБЬЕ ЛЕТО

Мокрый снег наутро все
Листья желтые окутал.
Бабье лето. Где оно?
Кто-то всю погоду спутал.
Грустью стелется дорога,
Сизой лентою блестит.
Подождала бы немного,
Осень – как всегда спешит!
Тёплым полон лес дыханием,
Спорит с осенью всерьёз.
Как же быть ему с приданным,
Неужели на мороз?
Солнце мечется, хлопочет
За туманною стеной.
Сделано как будто мною,
Всё же рано на покой.

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Горечь той войны и слёзы
На пепелищах не остались,
Они нам выжить помогли,
С годами мы сильнее стали.

Война нас жгла огнём, металлом,
Оставляя свой коварный след.
Мы не знали, не предполагали,
Сколько принесёт она нам бед.

Мир перевернут вверх с кровавым потом
И фейерверком человеческих черепов.
Они в ночи сияют ярким светом –
Берлин, Варшава, Краков и Восток.

Защищая страну, песни пели
И трещал пулемёт, автомат,
И горячие руки бледнели,
И седым становился солдат.

Наши дорогие ветераны,
Мы помним вас ещё со школьных дней.
Учились в школе, взрослым помогали,
На фронт писали всё до мелочей.

Крапиву ели, хлеба не хватало
Победу ждали, к радио прильнув,
И вот доносится вновь голос Левитана:
Я победную весть вам несу.

Германия – Москва – кровавая дорога –
Из детских трупики и трупов стариков.
Она на карте есть, на карте мира,
Как память ада в наш двадцатый век.

Давно нет запаха сапог фашистских,
Истлел японский кованный сапог,
А из-за океана мчатся щупальца
Проверить снова русский наш носок.

Он, враг, не дремлет,
Он никогда не дремлет.
Он точит когти, чтобы нас сразить.
Но он не знает, да и знать не хочет:
Народ российский им не победить!

Любите Родину, Отчизну!
Не позволяйте никому её топтать.
Она одна у нас, великая Россия,
Она для всех нас божья благодать.

ОСЕНЬ ЖИЗНИ

Осень разная бывает:
Бывает тёплой, золотой,
Бывает грустной и печальной,
Бывает просто холостой.

Она, как лебедь на пруду,
Качает павшую звезду.
Мы улыбаемся, поём,
Свои года ей отдаём.

Она хозяйка нашей жизни,
Она нас за руку ведёт,
Она шлифует, что ей нужно,
Плохое в сторону кладёт.

Любите осень золотую,
Любите осень без тоски.
Любите, люди, все друг друга.
Мне, осень, некогда, прости.

ЖЕНСКИЕ РУКИ

Женские руки – сколько вы можете?
Милые, добрые, с солнышком схожие.
Вечно в движении, вечно в заботах,
Всегда вам под силу любая работа.

Лечите, варите, тихо вздыхаете –
Только бы дома погода была,
Только бы дети прекрасно учились,
Снова экстерном всю школу прошла.

Женские руки ребёнка качают,
Лаской с работы мужа встречают,
Стараются раньше домой прибежать,
Чтобы на стол всё горячим подать.

И на работе без женщин нельзя,
С ними светло и кругом чистота,
Женские руки уют создают,
Легко и мгновенно снуют там и тут.

Женские руки любят, ласкают,
А когда плохо, лицо закрывают
Руками своими,
Чтоб слёзы согнать.

Женские руки красивые, милые,
Тёплые, добрые, очень счастливые.
И, если надо, крепко сожмёт
В руках своих нежных и пулемёт.

В космос взлетят и на Землю вернуться,
Чтобы руками к ней прикоснуться.
Вяжут, рисуют, петунью сажают
И каждый год урожай собирают.

Трудно ответить на сложный вопрос:
Где же ты силы такие берёшь?
Силы даёт ей родная земля –
Матерью ты ведь не зря названа.

Валентина Ивановна ПЕРЕВЫШИНА

Родилась 18 сентября 1944 года в Кемеровской области, в шахтерском городе Анжеро-Судженске. Дед, Семен Федорович Перевышин, был арестован и расстрелян за отказ вступить в колхоз. В 1931 году его жену отправили с сыновьями и снохами в Сибирь. В их числе были и родители В.И. Перевышиной, Иван Семенович и Марина Сергеевна. Валентина родилась в бараке на две семьи. Отец работал в тяжелом забое. После отказа стать осведомителем КГБ в шахте отец решил сменить место жительства и перевез семью в шахтерский город Копейск Челябинской области. Там Валентина Ивановна окончила школу. Затем поступила на филологический факультет Пермского государственного университета. После замужества переехала в Казахстан, 37 лет проработала учителем в школе. В 2001 году с семьей дочери переехала в Нижний Новгород.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МОМЕНТ

Далекий 31-й год, село в глубинке.
Трясут подворья представители Советов,
Продолжается грабеж пожитков.
Семья лишилась головы, он арестован и... расстрелян.
Темные крестьянки-снохи,
Их мужья, которым чуть за двадцать,
И мать-вдова с ребенком годовалым – внуком.
Обозом всех везут на станцию,
Где паровоз пыхтит – пугает (чугунный черт!).

Грузят всех в вагоны скотские и отправляют
Подальше от земли, крестьянского труда, родных.
Куда? Зачем? Тайга. Зима.
Землянка, где снег в углах.
Кто выживет – судьба. Не выживет – судьба.

* * *

Шесть десятков лет прошло,
Объявили: невиновны.
Они сами это знали,
Этим веру в жизнь крепили,
Но до правды не дожили,
Непрощенными ушли.
Мы историю изучаем по их жизни,
По их смерти, по их вере,
По великому труду «во имя»...

* * *

О проекте памятника А.Н. Юркова

Остались от древа жизни только корни мертвые...
Арест. Этап. Барак. Баланда.
Тяжелый, непосильный труд.
Железный рельс, фонарь на вышке,
Забор высокий и «колючка».
Здесь жизнь с утра до ночи без надежды,
А ночью мысли: «не пропасть, себя в себе сберечь,
Хоть даже умереть...»
А вдруг не умер до конца тот корешок,
Что под землей остался?
А вдруг он даст побег – надежду небольшую.
Надежда обернется явью,
И древо жизни вновь зазеленеет.
Надеюсь!

Проект памятника согражданам – жертвам политических репрессий, 2005.
Автор: А.Н. Юрков

РЕЛАКС

Стою на тихом берегу.
Волны нежно ласкают полосу,
Разделяющую две стихии.
На душе состояние покоя,
Легкого полета тела в пространстве,
Голова без мыслей, руки раскинуты –
Ты плывешь в неизвестность.
Там благодать, там светло, спокойно.
Там космос – и ты частичка мироздания.
Веки тяжелеют и закрывают глаза –
Невесомость! Блаженство!

Виталий Васильевич ПОМАЗОВ

Родился 19 января 1946 года. Будучи студентом историко-филологического факультета Горьковского университета, провел социологическое исследование «Государство и социализм», за которое был изгнан из студенческих рядов. В 1978 году в парижском журнале «Континент» вышла его первая публикация. После службы в стройбате В.В. Помазов был арестован и приговорен к 4 годам исправительно-трудовых лагерей по статье 70 УК РСФСР «Антисоветская пропаганда и агитация». В 1991 году был реабилитирован, восстановлен в университете и окончил его. В. Помазов поработал инженером, грузчиком, газооператором, слесарем. С 1990 года был главным редактором региональной газеты «Совет» в г. Серпухове Московской области. Мемуарист, историк, правозащитник, автор трех сборников стихов, редактор альманаха «Берега» (изд-во «Новости», Москва, 2007 г.).

* * *

Что с тобой, душа, случилось?
Смутный мартовский денек
Принимаешь словно милость,
Как подарок и упрек.

Днем мелькают маски-лица,
В голове немолчный звон,
И отравую сочтется:
Почему не я, а он?

Но ушел февраль-проказник,
Боль снежком припорошив,
И какой-то проблеск, праздник
Нужен нынче для души.

Все забота да забота,
Горько сжат усталый рот.
Золотой туман киота
Сердца маятник качнет.

И оно на крыльях хора
Унесется далеко,
Сбросив плен дневного сора.
Станет больно, но легко.

Сметет горе время-мельник
На далеком берегу.
Утро. Чистый понедельник.
Звон синицы на снегу.

И пускай, что будет – будет.
Уклониться не хочу.
Дотянуться можно к людям
Лишь по совести лучу.

Пусть же телу, как синице,
Крошка хлеба из-под льда,
А душе вовек лучится
Вифлеемская звезда.

* * *

Весь вечер Библии стихи
Весь вечер грозный синий ветер.
И я один на целом свете,
И ночь течет тысячелетье,
И не прокличут петухи.

Не срублен лес для городов.
Гранит во тьме каменоломен.
Металл не выплавлен, беззвонен.
И бор непроходим и темен
На каждом из семи холмов.

Из дали северных равнин,
Предчувствуя и холодея,
Гляжу на холмы Иудеи:
Там тьма на крыльях ночи реет,
Там умирает Божий Сын.

Не огонь пророческий в устах
Пустыни кремень дышит жаром.
Вошло безумие угаром.
И дождь земным последним даром
Омыл обвисших на крестах.

Он это Сам Себе предрек:
Горчайший уксус губку смочит,
И вопль во мрак кромешной ночи:
«Почто оставил, Авва отче!»
И тонкий крови ручеек.

А впереди века, века
Закваской радостей всех, боли
Пребудет Он и солью соли,
И потечет в земной юдоли
Бессмертья светлая река.

ПЕРЕД СНЕГОМ

Тихи покинутые чащи.
Все ближе, ближе грозный срок.
Все безмятежней и щемящей
Небес лазоревый песок.

За кромкой прибранного поля
Все ближе, резче и ясней
Кресты земной последней воли
На ржавых куполах церквей.

И чудится: за поворотом,
Над синим лезвием реки
В высоких облачных воротах
Господь глядит из-под руки,

Благословив леса и поле,
Людей и птицу и зверье.
Но Белый Ангел приготовил
Свое разящее копьё.

МАРТ 1953-го

Носили черные газеты.
Тонули в маршах, как в реке,
Стенанья гибнущего света
И чей-то шепот в уголке.

Рыданьем греческого хора
Мир извещен был: умер бог.
Предместьев мокрые заборы
Писали долгий некролог.

Под мартовским бесплотным небом
Разворошенная страна
Войною бредила и хлебом,
От слез дуря и вина.

Шел третий день. Венки и ленты
Сметали дворники с камней.
Но утром школьники, студенты
Уже толпились у дверей.

Над церковью кричали галки.
Икру толпы глотал вокзал.
И кто-то первые фиалки,
Считая мелочь, покупал.

Кляня буфетчика, садился
Командированный в вагон...
И транссибирской сталью длился
Закон – очнувшийся дракон.

Был третий день. Из всех барачков
Тянулся зэкков серый строй,
Вблизи являя недостаток
Зубов, прореженных цингой.

Мело. Конвой косился хмуро
На траурно обвисший флаг
Над каменной тушей БУРа,
Но не осаживал собак.

Безвестный ссыльный в Казахстане,
Листок исписанный тая,
Шептал: «Со славного сказанья
Начнется летопись моя».

ДОЧЕРИ

Ты в метель похожа на снегурочку,
Девочка упрямая моя.
Где ж найду тебе я сивку-бурочку
В трезвой прозе быта-бытия!

Длинные ресницы. И суровый
Чистый лед зеленых милых глаз.
Новый год – он потому и новый,
Что не знает горечи меж нас.

За метельной марлей – стройка, свалки,
А над ними – в окнах елок свет. ...
Учишь ты, что римские весталки
Принимали жертвенный обет.

Набегают школьные заботы,
Морщишь лоб над сборником задач...
Скоро, скоро новые отсчеты
Будут для побед и неудач.

А болезни будущей названье
Знает старый мир уже века...
У крыльца вздохну я: «До свиданья».
Ты помашешь варежкой: «Пока!»

1996 год

* * *

Березняк по колено в воде.
На пригорке заброшенный храм.
Помолюсь одинокой звезде
И его потемневшим крестам.

Опущусь на холодный песок,
Позабудусь под галочий грай.
И подкатится к горлу комок,
И пойму, что единственный рай

Этот меркнувший Спас-на-Крови,
Этот край, обреченный молчать,
Эта сладкая боль от любви,
Эта горькая радость прощать.

Светом розовым главы блестят.
Что для вечности час или год?
Правда ль это Последний Закат?
Или, может быть, – Новый Восход?

Сергей Михайлович ПОНОМАРЕВ

(1945–2005)

Родился в 1945 году в Ленинграде. После окончания школы занимался в литературном объединении Б.Е. Пильника в Доме ученых г. Горького. В 1962 году поступил на историко-филологический факультет Горьковского университета, активно выступал за свободу слова, цитируя своим однокурсникам запрещенных тогда Солженицына, Пастернака, Шаламова, Ахматову, Цветаеву. Вместе с друзьями «самиздатом» тиражировал и распространял не издаваемые в стране литературные произведения, публицистику и пр. После окончания вуза Пономарев работал учителем в школе села Борисово-Покровское Дальнеконстантиновского района, затем вместе с женой и дочерью вернулся в Горький. Борьба за свободу слова и встречи с продолжались. В 1969 году В. Пономарева вместе с братьями по «самиздату» Владимиром Жильцовым, Михаилом Капрановым и Владленом Павленковым арестовали по статье 70 ч.1 УК РСФСР и приговорили к различным срокам лишения свободы в исправительно-трудовых колониях строгого режима. В 1974 году после освобождения С.М. Пономарев вернулся в Горький. Как бывшему политзаключенному ему приходилось разносить почту, работать на стройке разнорабочим. Потом была работа лектором-искусствоведом в Художественном фонде, сопредседательство в Нижегородском обществе жертв политических репрессий, которое занималось восстановлением прав репрессированных нижегородцев, установлением памятных знаков в честь сгинувших в сталинских лагерях. С.М. Пономарев был одним из основателей и первым директором Мемориального музея А.Д. Сахарова, открывшегося в Нижнем Новгороде 18 мая 1991 года.

* * *

*«Есть у каждого бродяги
Сундучок воспоминаний»
Д.м. Кедрин*

Когда судьба швырнет бесцеремонно
На перепутье сумрачных дорог,
Сумей взглянуть насмешливо-спокойно
На груз былых сомнений и тревог.

И прежде чем тащиться в неизвестность,
Вверяясь переменчивой судьбе,
Сумей стреножить ветреную резвость,
Пришла пора держать ее в узде.

Подумай трезво, рассчитай заранее,
Что взять с собой, какой отбросить хлам,
Лишь свято береги воспоминанья –
Единственный бесценный талисман.

Пусть гибнет все в дыму моих пожарищ,
Пусть превратится день в глухую ночь! –
Со мной любимый верный мой товарищ –
Жена - и замечательная дочь.

Забуду ль наш ковчег, когда мы трое
Впервые зимовали, как кроты,
А сырость выводила на обоях
Совсем не романтические цветы.

Дымила печь. И в щели нудно дуло,
Бивачный дух преследовал, как рок.
Но что нам шкаф из ящичков, два стула.
Когда звенел Ладусин голосок.

Как часто беззаботные гуляки,
По рощам мы бродили вместе с ней.
Она на голос каждой малой птахи
Задумчиво шептала: «Соловей!»

А к вечеру, разведав все тропинки,
Назад ковром ромашки луговой.
И ежика сердитого в корзинке –
Счастливые! – несли к себе домой.

День за день – пролетели золотые.
Вот кажется вчера, но как давно
Разучивали песенки смешные,
Втроем ходили вечером в кино.

Не подличая, презирая милость
Манапов разных, напролом, одни,
Мы шли с великой верой в справедливость
И оставались честными людьми.

Но я и в дни томительной разлуки
Спокойно горд. Я верю в Божий суд.
Как будто ваши ласковые руки
Мне силу и уверенность несут.

Мы прожили в согласье и совете
Веселые и трудные года.
И сколько нам отпущено на свете –
Повсюду вместе,
Снова,
Навсегда!

1969 год, декабрь

* * *

Что крепче держит нас,
Любовь или привычка,
Я не задумывался, милая, пока
Не стала для меня
Привычной злая кличка –
Одно на всех прозвание – «З/К».
Ей мало кто сейчас
Гордится на свободе.
А здесь, среди сплошных решеток и замков,
С тобой не говорят,
Здесь грубый окрик в моде:
«За спину руки, зэк Пономарев!»
И только по ночам
Никто не потревожит,
Без страха приходи, побудь со мною вновь.
Ты помнишь каждый день,
Что вместе нами прожит,
И отличишь привычку и любовь.
Я все переживу,
Сломить меня не просто,
Ты силы мне даешь, тоскуешь, ждешь меня,
Я верую. И вновь
Необычайно остро,
Познав твою любовь, живу любя.
Горький, тюрьма. 1969 год, ноябрь

* * *

Окно открывается настежь
за долгих полгода впервые,
и сразу влетает в квартиру
немолкнувший улицы шум.
Искрятся восторженным счастьем
глаза твои золотые,
и песни весеннему миру
невольюно приходят на ум.
Ты слушаешь долго и жадно,
как день зарождается новый.
А я, зачарованный сказкой,
смотрю на тебя сквозь года.
Ты будешь всё так же желанна
и девочкой-недотрогой,
заманчивой и прекрасной,
останешься навсегда.

1970 год, апрель

* * *

Тебе,
ночная птица синяя
с глазами сказочной русалки,
как в юности, дарю стихи мои,
смешные для тебя подарки.

Прими,
пусть кажутся забавою
(Наверно, мы беспечно жили),
Они не согревали славою,
Но для меня тепло таили.

И надо мною снова кружатся
Былые дни – текут в тумане...
Нельзя мечтать о тихой лужице,
Раз окунувшись в океане.

Елена Александровна ПОНОМАРЕВА

Родилась в 1942 году в селе Ардатово Нижегородской области в многодетной семье военнослужащего и учительницы. Окончив десятилетку, зарабатывала трудовой стаж для поступления в вуз на Урале и в Ардатовском районе. Во время учебы в Горьковском государственном университете вышла замуж за «политически неблагонадежного» однокурсника Сергея Пономарева, которому на долгие годы стала самым близким другом и соратником. После окончания университета Е.А. Пономарева вместе с мужем работала в сельской школе в Дальнеконстантиновском районе. Затем семья переехала в Горький. После участия в диссидентском движении и ареста мужа по 70-й политической статье УК РСФСР Елена Александровна долгое время не могла устроиться на работу по специальности. В 1979 году печаталась в альманахе подпольной поэзии «Проталины» Виталия Помазова под псевдонимом «Елизавета Кораблева». Пять лет навещала и поддерживала мужа в заключении. Переживания свои доверяла стихам, посвящая их единомышленникам или вечным вопросам жизни. С помощью двух дочерей, профессора НИРО Белявского, председателя нижегородского Союза писателей В.И. Жильцова в 2003 году издала стихотворный сборник «Мир открытый».

Веселым посвистом свистели
Синицы синие в лесу.
Возьму-ка отпуск в две недели
И все к себе перенесу.

Из бересты тугой лукошко
Под всю лесную божью снедь
У бабы из лесной сторожки
Куплю за ворох новостей.

И как король переодетый,
Сбежав от всех своих забот,
Пойду бездельником, а лето –
Проводником пуцу вперед.

1964 год

* * *

Низко, своей близостью тревожа,
Облака плывут над Чусовой.
Я здесь – ни проезжий, ни прохожий –
Вслед мне с вышки смотрит часовой.

Только я не знаю опасенья,
И моя мне смелость дорога.
Я сама в себе несу спасенье
От лихого глаза и врага.

И меня не посетит сомненье:
Ношей непосильной дорожу.
Потому без страха и смиренья
К проволоке колючей подхожу.

А. СОЛЖЕНИЦЫНУ

Какое все
Безрадостное время...
Так парус смят –
Попутных нет ветров,
Не горячит коня
Стальное стремя –
И гаснут искры
У его подков.

Совиное вокруг оцепененье.
И мир очерчен
Для меня – окном.
Но верю я:
Есть чье-то вдохновенье,
И я спешу
Отдать ему поклон.

19.01.1977 год

* * *

Сплясали свои танцы скоморохи.
Отпели бубенцы, отпели – ни за грош.
Нет больше на Руси немислимой мороки:
Звонить колоколам в предутреннюю рожь.

Не выдаст тайны нам щербатая икона
Рожденья кротости на варварской земле:
История нас ставит вне закона.
Мы – чужестранцы в собственной стране.

Как блудные, отторгнутые дети,
Спалившие дотла свой отчий дом,
Живем мы неприкаянно на свете,
Как нехристи, несправедно живем.

1972

* * *

Гуляй, веселая толпа,
Гуляй, тебе и карты в руки.
Ты мир поставишь на попа, –
Дай умереть тебе со скуки.

А я сегодня о другом –
В моей печали нет корысти.
Мне осень сыплет решетом
Отжившие, сухие листья.

Мое похмелье не в пиру,
А здесь, в Мордовии безвестной,
Где я еще не раз умру
И столько раз еще воскресну.

1972 год

* * *

Этот мир мне сегодня понятен,
Он как будто бы послан мне в дар.
Весь из теней и солнечных пятен,
Одуванчик надул белый шар.
Позабыв всю свою осторожность,
В мире этом хочу я пропасть,
Безоглядно, насколько возможно,
Я отдаться хочу в его власть.
Чтоб, качаясь в его колыбели,
Отрешиться от старых обид.
Одуванчики – все отгорели.
Белый шар – улетит, улетит.

Геннадий Афанасьевич СТРОКИН

Родился в 1925 году в Ростовской области в семье комиссара полка и потомственной казачки. До ареста в 1937 году его отец, Афанасий Петрович, работал в Мордовии первым секретарем Рузаевского райкома партии, где выступил противником раскулачивания, закрытия церквей, продразверстки, за что и попал во «враги народа». О том, что отец был расстрелян, семья узнала лишь в 1957 году после его посмертной реабилитации. Мать вскоре после ареста умерла. Юноша беспризорничал до тех пор, пока его не поймали и не отправили в детский дом Перевозского района Нижегородской области. Там он работал подпаском, плугарем, окончил 7 классов школы. Во время Великой Отечественной войны учился в Горьковском ремесленном училище на Автозаводе, затем ушел на фронт. Служил в пехоте и в артиллерии на Втором Прибалтийском фронте. Работал управляющим трестом, прокладывал газ в Балахне и Городце. Получил инфаркт, почти ослеп, по инвалидности вышел на пенсию и начал писать. Первая книга «По дорогам Прибалтики» заняла третье место в конкурсе, посвященном Великой Отечественной войне. «Времена и судьбы» – третье место в конкурсе «Салют Победы-55». Книга «Зов земли» посвящена женщинам деревни времен войны, «Небесная застава» – женщинам-зенитчицам. Есть книга о Балахне, которая включена в учебную программу балахнинских школьников. Г.А. Строкин был инициатором установки в Балахне в октябре 2008 года Памятного креста в честь погибших от политических репрессий.

ПОГОВОРИМ

Поговорим, ведь наболело,
Чтоб в нашу жизнь не ворвалась беда.
В душе вражда перегорела,
От ссоры не осталось и следа.

Поговорим, усевшись рядом,
Припомним лучшее для нас,
Что было в жизни нашей кладом,
Куда ушел его запас.

КТО ДРУГ

Бывает, он речи хвалебно поет,
В глаза с обожаньем глядит
И руку с пристрастием крепко пожмет,
Как будто душой всей открыт.

Он, может быть, вам и не друг,
Может быть лишь знакомым простым,
А что предлагает немало услуг,
Нередко бывает пустым.

Коль окажетесь вы в западне,
О которой не описать,
Кто не будет в тот час в стороне,
Рядом будет кто с вами стоять?

Ни молва и ни слава кого не свернет,
И ни страх: а что будет потом –
На себя часть беды, не боясь, он возьмет,
Не жалея нисколько о том.

Сокровенное можно ему доверять.
Только он может другом считаться,
Лишь о нем, как о друге, нельзя забывать,
Пусть годами и с ним не встречаться.

СТРЕМИСЬ

Стремитесь, каждый приняв удар,
Не дрогнув, устоять, не сбивать шаг
И злобы потушить в себе пожар,
Себя не потерять, увидя мрак.

И вовремя ты должен сердце остудить,
Ладонью снять холодный пот,
Достоинство свое хранить,
Приняв невзгод неожиданных гнет.

К земле прижаться и набраться сил,
Убрать из сердца отчаянье и зло,
Не растерять для встреч грядущих пыль
И сохранить для милосердия тепло.

РОССИЯ

Великая, воспетая с любовью
Страна страшнейших гроз и ураганов,
Полей просторных, политых кровью,
Студивших душу горестных туманов.

Земля своих красот необозримых,
Богатств огромнейших открытых,
Людей талантов неповторимых,
Традиций многих незабытых.

И как Россию родную мы ни ломали,
В дугу ни гнули и под дых ни били,
С лица земли не стерли и не смяли,
Свободы дух не укротили.

Не раз для встречи нового восхода
В стране по капле сила накаплилась,
Кладя фундамент на костях народа,
Вновь мощь на пепелищах возрождалась.

Для многих иноземцев Русь загадка,
Своим умением жить без залога,
Ломать дрова, не получив задатка,
Скакать галопом от порога.

ХРАНИТЕ ДОБРОТУ

Не лейте, люди, зло на доброту.
Она от этого зачахнет и умрет.
От зла храните душ ваших красоту,
Сердца свои не превращайте в лед.

Прожить нам жизнь – не поле перейти.
Народ недаром ту пословицу сложил.
Теряют цель без доброты в пути
И белый свет становится не мил.

Заблудшим помогает доброта,
В беду попавшему спасительна она.
В словах произнесенных теплота,
Душе расстроенной всегда нужна.

Несет несчастья жестокостей гряда.
Нельзя глумленье над добром вершить.
Дела любые не исчезнут без следа,
Они подобное вам могут возратить.

Олег Петрович ФРЯЗИНОВ

Родился в 1927 году в семье адвоката Петра Михайловича Фрязинова, осужденного и приговоренного к высшей мере наказания по статье 58 УК РСФСР. В семье осталось трое детей, мать от горя, голода и болезни скончалась в 44 года. Олег Петрович окончил техникум по специальности «технолог машиностроения», работал на разных должностях и ветераном труда в 1987 году вышел на пенсию. В память о погибшем отце и матери написал книгу «Летопись в стихах и прозе». Книгу печатал на свои деньги, она выдержала четыре издания, передана в дар пострадавшим от репрессий жителям Московского района Нижнего Новгорода. Член поэтического объединения «Радуга», многие стихи автора переложены на музыку.

ДУША ИСТЕРЗАНА В ГРУДИ

Отца сегодня вдруг не стало,
Возможно, жив в застенке он,
Его решетка заковала,
А нас – голодный рацион.

Судьба жестокая мгновенно
Семью в смятенье привела
И в непрерывное мученье
Всю жизнь навечно обрекла.

Родная мать, не жди спасенья,
Напрасны хлопоты твои,
Внуши себе одно терпенье
И состраданья не ищи.

Моли, сердечные страдания,
Чтобы Всевышний облегчил,
И в светлый Рай, уже не дальний,
Тебе дорогу проложил.

Уж сколько лет, а боль все слышишь
Душой, истерзанной в груди,
Так где же был народ – спаситель
Своей потерянной души!

СРОК ДАВНОСТИ

Нет срока давности у горя,
Хоть век встречай отца у моря.
Не разойдутся сини волны,
Отец не выйдет — он невольный.

Он много, долго сыну снился,
Как будто он со мной возился.
Как счастлив был я в этих грезах,
Но сон кончался — снова слезы.

Отец, прости за эту слабость,
С годами со слезами справлюсь.
Но, ох, напрасно был уверен,
Когда узнал, что ты расстрелян.

ПО ОБЕ СТОРОНЫ РЕШЕТКИ

Отец отправлен за решетку,
Семья — в другую сторону.
Отца пытают беспощадно,
Семью — в замедленном аду.

Отца не слышно за решеткой.
И нет уж весточки с гонцом,
А мать, бедняжка, днем и ночью
С надеждой думает о нем.

Не жди его освобожденья,
Не мучь напрасно ты себя.
Смирись с судьбою, дорогая,
Лишь Бог заступник у тебя.

И есть еще одна надежда —
На дочь и двое сыновей.
Они с тобою разделяют
Лишенья бедности твоей.

Не ты вина всех их лишений,
Судьба — жестокая вина.
И весь народ от ослепленья
Жестоко наказал себя.

Но вот настало потепленье,
А жизнь закончилась твоя.
И горько, горько нам, родная,
С тобой прощаться навсегда.

Не стало биться больше сердце,
Не дышит сдавленная грудь.
И та железная решетка
С тобой ушла в последний путь.

Александр Семенович ЧЕРКАШИН

Родился 15 июля 1943 года в деревне Бекирева Тобольского района Тюменской области, куда его деда, Рухленко Василия Ильича, вместе с женой и детьми выслали после раскулачивания. Был шестым ребенком в семье. В Тобольске окончил среднюю школу, работал на Тобольской судовой слесарем-монтажником I разряда. В 1962 году поступил в Новосибирский институт инженеров водного транспорта. С 1967 по 1990 год работал начальником конструкторского бюро в Ленском бассейновом управлении пути МРФ РСФСР в Якутске. Награжден двумя знаками «Победитель соцсоревнования» и медалью ВДНХ. С 1990 года живет в городе Кстово Нижегородской области. По инициативе А.С. Черкашина в 2001 году семьи Рухленко и Черкашиных были реабилитированы.

ЖЕРТВАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 1930–1950-х годов – РУХЛЕНКО-РУХЛЕНКОВЫМ, РАЕВСКИМ, ЧЕРКАШИНЫМ (Фрагмент)

В Тюменской области, в окрестностях Увата,
На правом берегу реки Носка
Софроновка – поселок был когда-то,
К нему дорога лесом не близка.

Построили его спецпоселенцы,
Правитель называл их «кулаки».
Не комсомольцы и не иждивенцы –
Сибирские простые мужики.

В краю неспешных вод и белых лилий,
В краю медведей, белок и волков
Вершились судьбы больше ста фамилий.
Там жили семьи бывших кулаков.

Теперь спецпоселенья нет на карте,
В Екимовке давно уж не живут.
И школьники, учась за школьной партой,
В учебнике ни слова не найдут.

1930 год

(семьи Рухленко-Рухленковых, Раевских)

Когда великий вождь – товарищ Сталин
Искоренял кулачество как класс,
В НКВД Иегуду поставил,
Дошла волна репрессий и до нас.

Тогда Рухленко жили в Армизонье,
Работали, не делали долгов.
Но плохо спал правитель в том сезоне,
И снилось ему множество врагов.

Враги в Политбюро и в Совнаркоме,
Враги среди рабочих и крестьян,
Враги среди военных и в профкоме,
Враги среди монахов-христиан.

С тетрадкой замызганной под мышкой,
Лишь только обозначился рассвет,
Стучал в окошко активист-парнишка:
«Рухленко старшему явиться в сельсовет».

Постановление ЦИК читал бедняк в ушанке,
Поднялся шум, мат, ругань, крик.
Тут слово взял член партии в кожанке
(Он представлял там Армизонский РИК):

«Молчать, кулацкое отродье!
Я требую не нарушать порядку!
Что?! Называть вас «благородием»?!
Ишим на вас готовил разнарядку.

В моем, Рухленко, писано писаньи, –
И фактом коммунаров веселя, –
Ты был участником бандитского восстания
И денежки давал под векселя».

Ты был торговец и эксплуататор,
Все это время торговал скотом.
А я, советской власти агитатор,
Был бит, и не единожды, кнутом».

– Ну что в правлении, – спросила Пелагея, –
И в чем ты перед властью виноват?
Василий рассказал, жену жалея:
– Нас всех ссылают к северу – в Уват.

– Да что они – с ума там походили?!
У нас с тобою пятеро детей!
Мы для чего же пятерых родили?
Чтоб быть в залоге сталинских идей?

Погубит всю семью грузин усатый.
Что делать нам – я не соображу.
Еще совсем малой наш Костя – пятый,
Его здоровьем очень дорожу.

Обняв жену, Василий отшутился:
– У нас семья, и я еще живой.
В Уват приедем, там и оглядимся.
Есть две недели здесь у нас с тобой.

Возьмем одежду, инструмент, подковы,
Для лошадей на тридцать дней овса.
Закроем дом (а дом стоит как новый),
Я, Поля, уж не верю в чудеса.

Девчонки пусть тряпья не набирают,
Там негде будет в тувельках форсить.
Добротную одежду собирают
И обувь, чтоб подольше проносить.

На сельской площади толпой собрали ссыльных:
Кому на север, а кому и на восток.
Родные прятали лицо от слез обильных,
И говорили тихо: «Сталин-то жесток».

– Смотри-ка, мама, девки-коммунарки
В моей одежде ходят напоказ.
Ведь тятя наш нам всем подарки
Привез из Армизона в прошлый раз.

На Маньке юбка, кофточка на Фроське,
На Дуньке башмачки на каблуке.
Видать, все растащили недоноски.
Вон там они стоят невдалеке.

Судьбы глухим протестом не изменим,
Хоть вой над прошлым, хоть не вой.
Теперь мы жизнь по-новому оценим.
Гликерия, тихо! Вон идет конвой.

Гликерия, Зоя, Степа, Женя
И младший «кулачонок» Константин
Шестого марта начали движение
Быть может, после Костиных крестин.

Отец и мать, свои скрывая слезы,
Вели двух лошадемок в поводу.
Махали ссыльным ветками березы,
Вороны каркали, предчувствуя беду.

Дом коммунары быстро раскатали,
Свезли к пруду, затем собрали.
Слепить-то кое-как смогли,
Потом по пьянке подожгли.

....

Этап пригнали с юга, с Армизона –
Десятков шесть измотанных семей.
Большого в ссылках не было резона,
Власть всем грозит: богатства не имей!

Уже влилась в этап семья Раевских,
И годы счастья остались позади.
Щемило сердце от предчувствий мерзких,
Одно тревожит: что ждет впереди?

Кончался март, дорога стала скользкой,
Увидев Троицкого мыса высоту.
Иртыш по льду прошли возле Тобольска,
Дивясь на кремль, соборов высоту.

Прошли Овсянникову, Тренину, Кугаево,
Дул северный колючий ветерок.
Заходит солнце – бронзовое зарево,
Пришли в Черкашину уже под вечерок.

В Черкашиной намечено ночевка,
Всех ссыльных разместили на ночлег.
Гликерия, чернявая девчонка,
Сознательно готовила побег.

Но, может быть, ее отговорили,
А может быть, одумалась сама,
Наутро всем семейством укатили
В места, где будет горе от ума.

Неспешно шли усталые лошадки,
Крутились дни подобно колесу.
Вот, наконец, добрались до площадки,
Их привели и... бросили в лесу.

Вдруг мужики всерьез рассвиrepели:
– Мы следом за конвоем и сбежим!
Сказал конвойный:
– Вон вы как запели?!
Мы здесь невдалеке посторожим.

Куда бежать? Кругом леса, болота
И много ворошиловских стрелков.
Сидите тихо, коли жить охота,
Не то перестреляют чудаков.

У ссыльных лошадемок отобрали
И увели неведомо куда,
Чтоб кулаки из ссылки не удрали.
Василий закручинился тогда.

Сказал старшой: давайте рыть землянки,
Мох на болоте ближнем наберем,
Осмотрим лес, наметим на делянке,
Иначе все от холода померем.

И началась борьба за выживание:
Во-первых, надо сохранить детей.
Земля промерзла – тоже наказание,
«Кострилы» землю просто, без затей.

Народ работал, надрывая спины,
Не приезжали к пленникам врачи,
Мужчины разыскали где-то глину,
Из глины стали делать кирпичи.

Землянки размещали возле речки
На склонах, где сподручней и ловчей.
Из кирпичей сооружали печки –
В землянках невозможно без печей.

Намечен властью план лесоповала,
Места, где всю продукцию копить.
Купили плиты, вьюшки, поддувала,
Колосники, чтоб печку протопить.

Пришла весна, уже речушка вскрылась,
В лесу покой, растаяли снега.
Осталось уповать на Божью милость
И чтобы как-то помогла тайга.

А ссыльным было голодно и жутко.
Кляня пока лесную пустоту.
У мужиков всегда урчит в желудке,
Да так, что даже слышно за версту.
.....

Шел 31-й год – Гликерия сбежала.
Побег не стоил ей больших усилий.
В 32-м году Поля рожала,
Назвали сына, как отца, Василий.

У ссыльных нет партийного психоза.
Обдумав состояние людей,
Решили, что создание промколхоза
Поможет выжить, обучить детей.

Власть не давала продыху, давила,
Такой приказ начальству сверху дан.
Сначала выпускали грабли, вилы,
Все время увеличивая план.

Бондарничал Василий в промколхозе,
Для бочек здесь достаточно сырья.
А инструмент он свой привез в обозе –
Нельзя готовить бочки из старья.

....

Иегуду застрелят, а пока
Он выполнял решения ЦИК и СНК.

1937 год

Апологетами партийной пропаганды
С полос газетных ложь лилась рекой.
Газеты ждали Сталина команды
Пропеть над жертвой: «Боже, упокой».

НКВД – их верные нукеры
Едва дождались той команды: «Фас!»
Аресты шли под дулом револьвера,
А в дело снимок – в профиль и анфас.

Пила и сытно кушала столица,
Народ сидел по тюрьмам, лагерям.
Ежов ковал «ежовы рукавицы»
И в тюрьмах заключенным примерял.

В любом поселке гипсовым уродом
Стоял на площади усатый истукан.
Так измываться над своим народом
Не позволял себе жестокий Чингисхан.

У власти были псевдокоммунисты,
Поборники несбыточных идей.
Они же сами на руку нечисты,
При этом ненавидели людей.

Оружие иногда приносит горе,
Вооружен конвой, военный, хулиган.
Но все дела в большом идейном споре
Решал его величество наган.

Расстрельных приговоров слог чеканный:
Сибирь была набита до краев
«Агентами разведки иностранной»
Быть может, даже в несколько слоёв.

Кому-то показалось, что в поселке,
Затерянном средь речек и болот,
Крамола зреет,дохнут телки,
Готовится большой переворот.

Хотят Союз наш разделить на части,
Крестьян с рабочими оставить в дураках.
Задача их: свержение соввласти,
И вроде бы с оружием в руках.

Пришел сентябрь тридцать седьмого года,
Не размещен картофель в закромах.
Той осенью дождливая погода
Смешала планы в душах и умах.

Василий ехал с мужиками в лодках
Молоть зерно на мельницу в село.
И выдалась хорошая погодка,
Довольны все – с погодкой повезло.

В конце работ нагрянули чекисты
И обвинили всех в хищении муки.
Моментом подтянулись активисты,
В сердцах затылки чешут мужики.

Вели допрос. Василий удивился:
– К чему и для чего такой сыр-бор?
Но все-таки один проговорился:
– Нам предстоит тяжелый разговор.

Где прячешь пулеметы? Сознавайся!
Книжонку Троцкого, оружия не нашли.
Короткое, как выстрел: «Собирайся!»
Навек с семьей Василия развели.

Василий не вернулся, ну а дети
С тех пор вообще не видели отца.
Вдруг кошка замяукала в подклети,
На Пеллагее не было лица.

Еще сказал, что, может быть, этапом
Их приведут в Тобольск в начале дня,
А сам косился этаким сатрапом:
«Ну, ты еще поплачешь у меня».

Напрасно наши женщины прождали,
Не зная, кто затеял кутерьму.
Дождливой ночью их мужей пригнали
В Тобольскую старинную тюрьму.

В тюремных душных камерах на нарах,
Озлобленный от множества невзгод,
По темной грубой воле коммунаров
Сидел российский труженик-народ.

Не реагировать приказано наряду,
И сколько в эти двери ни стучи,
А стены недоступны и снаряду,
Не звякнут озабоченно ключи.

Не передать из камеры записки,
Тот следователь все предусмотрел,
Дал десять лет «без права переписки».
В то время это значило – «расстрел».

Охранникам законы будто дышло,
Они умеют выбивать признания.
С Василием Рухленко так не вышло,
Во вред другим не строил показания.

Как на подбор мордасты и плечисты,
Им бы работать в доменной печи.
А в жизни откровенные садисты,
Одно название – это палачи.

Убийцам очень нравились награды
И звания, как последствия наград.
Когда они стреляют – они рады,
Но если он у стенки – он не рад.

С расстрельными делами не справлялся
Любивший кровь расстрельный коллектив.
На помощь им соввластью привлекался
Сплоченный и надежный партактив.

И током пробежит по телу дрожь
От этих пьяных дьявольских ухмылок,
А смертный приговор их – просто ложь,
Им нравится стрелять людей в затылок.

Скорый суд, неправый суд,
В ров расстрелянных несут.
Не потратят пули зря
Метких «три богатыря».

– Что возитесь, вонючие заразы?!
Смотрите – начинается рассвет.
Закапывайте всю траншею сразу,
Смотреть на эти трупы мочи нет.

Все сделали «путем», как порешили.
Аресты шли с начала сентября.
НКВД расстрелы завершили
К двадцатой годовщине Октября.

От тяжких мыслей пухнет голова.
Разбейся в кровь, растратив силы.
У палачей – награды и права,
У жертв – безвестные могилы.

Покоятся они в могиле братской,
Но где она? Признаются «верхи»?
Великий вождь по сути азиатской
Припомнил им прощенные грехи.

Ежова расстреляют, а пока
Он выполнял решенья ЦИК и СНК.

Александр Иосифович ШАРДТ

Родился 8 декабря 1936 года в украинском городе Николаеве. В 1941 году семья Шардт была сослана в Кокчетавскую область Казахстана, в 1957 году переехала жить в город Горький. После окончания физико-химического факультета Горьковского государственного университета Александр Иосифович преподавал химию в школе. Позднее переехал в Крым, где много лет проработал воспитателем в пионерском лагере «Артек», затем - администратором в цирке города Ялты, с труппой которого гастролировал по городам страны. Несколько лет работал в Московском цирке на Цветном бульваре, был близко знаком с Юрием Никулиным, писателем Михаилом Ножкиным, артистом Юрием Яковлевым, у которого был в Москве на 80-летнем юбилее. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе.

ПЕРВЫЙ КАПИТАН

Мы много раз от смеха умирали –
Смешил нас добрый и весёлый шут.
Мы с ним, как дети, запросто играли.
Всерьёз однажды взял и умер шут.

Мы все, беспомощные, враз осиротели.
Сыграла злую шутку с нами смерть.
А с ним, живым, года легко летели,
Легко кружила жизни круговерть.

Не брал ни штык его, не брали пули.
Он был в бою артист-артиллерист.

С улыбкой жить учил Никулин Юрий.
В бою и в жизни был он оптимист.

А в море жизни – мы его матросы.
Никулин был наш первый капитан.
Он словно вёл корабль сквозь торосы.
Ему не зря талант от бога дан.

Никулин цирку сделал перестройку.
Цирк на Цветном пребудет вечно нов.
Нам не забыть в кино лихую тройку –
Никулин Юрий, Вицин, Моргунов.

Москва, август 1997 г.

ВЫСОЦКОГО ВОЛОДИ ВЫСОТА

В рассветный час поэты погибают.
Им, как всегда, себя не уберечь.
В грядущий день дорогу освещает
Их смелая и пламенная речь!

Володин голос – нашей радости источник.
Не дотянул до наших дней, а жаль.
Но наш маршрут им был рассчитан точно:
Путь к радости и счастью – вертикаль!

Любимец публики и враг чиновной касты,
Когда ходила гласность в парандже,
Ты песнею зажег светило счастья.
Ты наш советский, русский Беранже!

От слепоты спасая наши души,
Когда из строя выведен компас,
Твой зычный глас спасал нас от удушья,
От немоты ты наши души спас.

Нет, смерть певца не сон, не передышка.
Ты там, где бой, где нужен ты вдвойне.

Ещё чуть-чуть – и гадам будет крышка,
Ещё чуть-чуть – ты снова на коне!

Но бард-боец «за так» не погибает.
С высот певца нисходит красота.
Звучащим писклом яростно сияет
Высоцкого Володи высота!

БОЙЦЫ 41-го ГОДА

Шинели, бушлаты, петлицы –
Нехитрый военный наряд.
Открытые, добрые лица.
На нас с фотографий глядят.

В шеренгах по двадцать четыре,
С парада шагнувшие в бой,
Мужчины с мечтою о мире
Москву заслонили собой.

Суровы и смелы, бесстрашны
Защитники вечной Москвы
Прославили день наш вчерашний,
В боях не щадя головы.

Для внуков легендою стали
Те подвиги дедов-юнцов.
И честно напутствовал Сталин
С трибуны отважных бойцов.

И эти бойцы рядовые,
Честнейшие помнят умы,
Планету в часы роковые
Спасли от фашистской чумы.

9 мая 2008 года

МЕТРО

Заткнувши уши, глаза закрыв,
Сидит в метро студент хороший,
А рядом, чуть жива, стоит
Престарая бабуля с ношей.

И пусть динамик вовсю вопит,
Мол, уступи-ка старухе –
Студент не слышит, совесть спит,
Знать, воспитание в разрухе.

И хотя мне за шестьдесят
И сердцу от давленья тесно, –
Я встал, примером, так сказать,
Старухе уступая место.

АВГУСТ

Тихий и ласковый август –
Лета зелёного пик.
Спелый, тяжёлый подсолнух
Желтой главою поник.

Чёрными глазками зёрен
В чёрную землю глядит.
Смертен растения корень –
Жизнь его семя продлит.

1988 год

ЛЕРМОНТОВ

Подобен богу, сын небес
И странник на земле,
Убит и, как Христос, воскрес
И светит нам во мгле.

Ты жизни путь свой рано кончил,
Оставив нам бесценный дар,
Злодеям Божий Суд пророчил
И на себя навлёк удар.

Пророчил: Божий Суд грядет,
России чёрный год.
И чернь восстанет на господ,
Корона упадёт.

Противник войн, певец любви,
Зовёшь людей дружить
И с Божьим Словом – «Не убий!»
Под мирным небом жить.

Когда за честь идём на бой,
Мы слышим голос твой,
Заступник правды и добра
И совести людской.

Народу верно послужил
Твой голос вечевой –
Взрывчатку слов ты заложил
Под ненавистный строй.

И дальних битв вечный гром.
Донёсся... трон дрожал,
В тот миг, когда под Мишуком
От рук убийц ты пал.

В тот чёрный миг на Пятигорск
Слезами ливень лил

И молнией сверкал вопрос:
«Кто гения сгубил?»

Но бой со злом не завершён,
Огонь твой не угас –
Он эстафета всех времён.
Ты с нами, среди нас!

ТРЕВОГА

Меня преследуют кошмары
Во сне и даже наяву:
Земля нагрелась, и пожары
Сжигают лес, зверей, траву.

Сжигаем уголь, нефть и газы
В машинах, в топках день и ночь.
Ужель свихнулся здравый разум
И бог не может нам помочь.

И если всё это продлится
Ещё другой-десяток лет,
Эффектом дьявольской теплицы
Свои труды сведём на нет.

Отходы сбрасывая в реки
И загрязняя океан,
Окажемся в последнем веке
И не видать нам марсиан.

Марс подождёт. Своя планета
На грани жизни, быть – не быть,
Покуда песенка не спета –
В колокола тревогу бить!

Да, бить в набат, пока не поздно!
Оружье бросить создавать.
Не то нас всех накажет грозно
Вскормившая природа-мать!

ВЕСЕННЕЕ

Птицы весной на север,
А человек – на юг,
На черноморский берег
От холодов и вьюг.
Там полевые тюльпаны,
Ранний цветёт кизил,
Там же врачуют раны
И прибавляют сил,
Чтоб, возвратясь на север,
Снились о юге сны,
И, вспоминая берег,
Вновь ожидать весны.

СОДЕРЖАНИЕ

Дойников Владимир Аркадьевич	3
Долгачева Наталья Романовна	9
Жильцов Владимир Иванович.....	16
Козлов Лев Иванович	24
Корнилов Борис Петрович	30
Левашова Майя Иосифовна	36
Неймарк Юрий Исаакович	40
Нуждина Зоя Мироновна	46
Окунева Галина Ивановна	51
Перевишина Валентина Ивановна.....	57
Помазов Виталий Васильевич	60
Пономарев Сергей Михайлович	67
Пономарева Елена Александровна	72
Строкин Геннадий Афанасьевич	76
Фрязинов Олег Петрович	80
Черкашин Александр Семенович	93
Шардт Александр Иосифович	94

ЛИНИЯ СУДЬБЫ
Поэзия репрессированных нижегородцев

Седьмой сборник

*Мнение авторов сборника может не совпадать
с мнением редакции*

Формат 60x84 1/16
Тираж 300 экз. Заказ № 170.

Отпечатано в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Б. Покровская, 37